

ТУЛЬСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

15-го Февраля

№ 4.

1878 года.

І. РАСПОРЯЖЕНІЯ НАЧАЛЬСТВА.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ СВ. СИНОДА.

Отъ 29 декабря 1877 г. — Указъ съ дополненіемъ къ табели высокаторжественныхъ и вѣкторіальныхъ дней.

Св. Синодъ слушали предложенный г. синодальнымъ оберъ-прокуроромъ отъ 15 декабря, состоявшийся въ 5 (17) день онаго, Именной Высочайшій ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА указъ слѣдующаго содержанія: «Указъ Св. Правительствующему Синоду. Рожденіе Любезнѣйшаго Внука НАШЕГО Великаго Князя БОРИСА ВЛАДИМИРОВИЧА повелѣваемъ праздновать въ 12 день ноября, а тезоименитство во 2 день мая». Приказали: О Высочайшемъ повелѣніи ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА праздновать рожденіе Его Императорскаго Высочества Великаго Князя БОРИСА ВЛАДИМИРОВИЧА въ 12 день ноября, а тезоименитство во 2 день мая, увѣдомить всѣ подвѣдомственные Св. Синоду мѣста и лица печатными указами, съ препровожденіемъ при оныхъ составленнаго въ Св. Синодѣ дополненія къ табели высокаторжественныхъ и вѣкторіальныхъ дней, а Правительствующему Сенату сообщить означенное дополненіе при вѣдѣніи.

Дополненіе къ табели высокаторжественныхъ и вѣкторіальныхъ дней.

Ноября 12. Рожденіе Его Императорскаго Высочества, Благовѣрнаго Государя Великаго Князя БОРИСА ВЛАДИМИРОВИЧА.

Мая 2. Тезоименитство Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя БОРИСА ВЛАДИМИРОВИЧА.

Отъ 25 янв.—8 февр. 1878 г.—0 производствѣ пріемныхъ испытаній предъ лѣтними вакаціями въ духовныхъ семинаріяхъ: московской, тифлисской, казанской, владимірской, донской, пензенской, астраханской, саратовской, витебской, ярославской и тамбовской.

Св. Синодъ слушали предложенный г. синодальнымъ оберъ-прокуроромъ журналъ учебнаго комитета, съ приложенными къ нему представленіями епархіальныхъ преосвященныхъ о производствѣ пріемныхъ испытаній предъ лѣтними вакаціями въ духовныхъ семинаріяхъ: московской, тифлисской казанской, владимірской донской, пензенской, астраханской, саратовской, витебской, ярославской и тамбовской. Приказали: Согласно ходатайствамъ епархіальныхъ преосвященныхъ и заключенію учебнаго при Св. Синодѣ комитета допустить съ текущаго года, на основаніи опредѣленія Синода 6-го--18-го апрѣля 1877 г., распубликованнаго въ «Церковномъ Вѣстникѣ», въ *одиннадцати* вышепоименованныхъ духовныхъ семинаріяхъ производство пріемныхъ испытаній желающимъ поступить въ оныя воспитанникамъ предъ началомъ лѣтнихъ вакацій, но съ тѣмъ, однако, чтобы семинарскія и училищныя правленія соблюдали при семъ слѣдующій порядокъ: 1) училищныя правленія имѣютъ производить выпускное испытаніе ученикамъ IV класса училища преж-

де экзаменовъ по прочимъ училищнымъ классамъ, дабы оканчивающіе курсъ ученія въ училищѣ воспитанники могли своевременно явиться на пріемный экзаменъ въ семинарію; при семъ училищныя начальства обязываются отнюдь не допускать сокращенія учебнаго времени для таковыхъ воспитанниковъ и для сего не начинать испытанія ранѣ времени, назначеннаго вообще для производства экзаменовъ въ училищахъ; 2) пріемный экзаменъ желающимъ поступить въ семинарію училищнымъ воспитанникамъ долженъ быть производимъ одновременно съ переводными семинарскими экзаменами, когда послѣдніе приближаются къ концу, свободными экзаменаціонными комиссіями. Сообразно съ этимъ составляется въ каждой семинаріи, при окончаніи учебнаго курса, распisanіе порядка какъ переводныхъ, такъ и пріемныхъ испытаній; 3) своевременно предъ лѣтними ваканціями должно быть публикуемо о времени производства пріемныхъ экзаменовъ въ семинаріи, дабы могли явиться на оныя и желающіе поступить въ семинарію молодые люди, не получившіе образованія въ духовныхъ училищахъ, съ предоставленіемъ впрочемъ имъ возможности держать пріемные экзамены на оставшіяся вакансіи и послѣ каникулъ во время, назначенное, по существующему порядку, для переэкзаменовки воспитанниковъ, получившихъ на переводныхъ испытаніяхъ опредѣленное число неудовлетворительныхъ балловъ; 4) вмѣстѣ съ симъ, въ виду измѣненія времени пріемныхъ испытаній для поступленія въ вышепоименованныя духовныя семинаріи, допустить для невыдержавшихъ пріемнаго испытанія въ семинарію предъ лѣтними каникулами воспитанниковъ училищъ переэкзаменовку послѣ ваканцій, примѣнительно къ опредѣленію Св. Синода отъ 21-го августа 1868 года относительно переэкзаменовки воспитанниковъ при переходѣ изъ одного класса въ другой (Сборн. пост.

по дух. учил. ч., стр. 102, п. 13), какъ это уже допущено Св. Синодомъ для невыдержавшихъ пріемнаго семинарскаго испытанія учениковъ архангельскаго духовнаго училища. Объ изложенномъ дать знать циркулярно чрезъ «Церковный Вѣстникъ» епархіальнымъ преосвященнымъ, въ вѣдѣніи коихъ состоятъ вышепоименованныя семинаріи съ принадлежащими къ онымъ духовными училищами, для надлежащаго въ потребныхъ случаяхъ руководства и исполненія.

Отъ 16 декабря -- 30 янв. — О составленныхъ Я. Гуревичемъ „Историческихъ сравнительно-конспективныхъ таблицахъ по новой и новѣйшей исторіи“.

Св. Синодъ слушали предложеніе г. синодальнаго оберъ-прокурора, съ журналомъ учебнаго комитета, коимъ составленныя преподавателемъ 3-й с.-петербургской гимназіи Я. Гуревичемъ «Историческія сравнительно-конспективныя таблицы по новой и новѣйшей исторіи» (С.-Петербургъ, 1875 года) допускаются въ фундаментальныя бібліотеки духовныхъ семинарій въ качествѣ справочной книги по послѣднимъ отдѣламъ новой гражданской исторіи. Приказали: Заключение учебнаго комитета утвердить, сообщивъ о семъ правленіямъ духовныхъ семинарій чрезъ «Церковный Вѣстникъ», съ приложеніемъ копій съ журнала комитета.

Журналъ учебнаго комитета при Св. Синодѣ.

О составленныхъ преподавателемъ 3-й с.-петербургской гимназіи и второго константиновскаго военнаго училища Я. Гуревичемъ „Историческихъ сравнительно-конспективныхъ таблицахъ по новой и новѣйшей исторіи (отъ Вестфальскаго мира до Парижскаго мира—1856 г.). Пособіе для военныхъ училищъ“ (С.-Петербургъ. 1875 г. Цѣна 80 к.).

Таблицы г. Гуревича, по словамъ самого составителя въ предисловіи, „имѣютъ цѣлю удовлетворить потребности, которая чувствуется при преподаваніи исторіи въ

военныхъ училищахъ, такъ какъ тамъ въ довольно большомъ объемѣ преподается новая исторія съ Петра Великаго въ однихъ, съ эпохи просвѣщеннаго абсолютизма, въ другихъ и съ французской революціи въ третьихъ, между тѣмъ ни одно изъ существующихъ въ нашей учебно-педагогической литературѣ руководство по исторіи не удовлетворяетъ условіямъ такого преподаванія исторіи въ военныхъ училищахъ“.

Таблицы г. Гуревича заключаютъ пространство времени съ 1648 года по 1856 годъ; онѣ раздѣлены на отдѣлы по главнѣйшимъ историческимъ явленіямъ, характеризующимъ каждый изъ нихъ; таковы: Вѣкъ Людовика XIV, эпоха просвѣщеннаго абсолютизма, эпоха французской революціи, эпоха Консульства и имперіи, эпоха самовластнаго господства Наполеона I, эпоха отечественной войны 1812 года и низложеніе Наполеона, Вѣвскій конгрессъ и его постановленія, эпоха конгрессовъ, эпоха реакціи двадцатыхъ годовъ, эпоха іюльской революціи и реакціи тридцатыхъ годовъ, эпоха политическихъ и національных движеній 40-хъ годовъ передъ февральской революціей, эпоха февральской революціи 1848 г., продолженіе и отголоски эпохи февральской революціи и наконецъ эпохи восточной или крымской войны. Каждый отдѣлъ раздѣленъ на части по государствамъ; но это дѣленіе прерывается, когда говорится о событіяхъ общихъ для нѣсколькихъ государствъ. Въ фактическомъ отношеніи таблицы г. Гуревича составлены вѣрно; важнѣйшія стороны приводимыхъ событій очерчены, по большой части, точно и обстоятельно. Составитель, кромѣ указаній событій внѣшнихъ, отвелъ въ своихъ таблицахъ не мало мѣста и для явленій изъ внутренней жизни государствъ. Приведены имена и показаны главныя заслуги замѣчательныхъ дѣятелей въ томъ и другомъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ, съ научной точки зрѣнія слѣдуетъ по справедливости замѣтить, что таблицы г. Гуревича, какъ конспектъ въ сжатомъ видѣ излагающій исторію новѣйшаго времени, полезны для желающихъ получить общее понятіе объ этомъ времени или справиться о годѣ и главнѣйшихъ чертахъ какого либо совершившагося въ это время событія. Разсматривая же трудъ г. Гуревича съ

точки зрѣнія учебной, нельзя признать его полную пригодность для учащихся въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Предъ учениками, начиная съ французской революціи до нашего времени, изображаются движенія умственныя, соціальныя, политическія, національныя,—явленія, которыя не достигли еще необходимой для учебнаго курса законченности, не обладаютъ нужною для той же цѣли опредѣленностью, у которыхъ еще нѣтъ вполне объективной и безпристрастной исторіи, такъ какъ то, что написано о нихъ до сего времени, принадлежитъ преимущественно историкамъ одной съ излагаемыми ими событіями эпохи и потому болѣе или менѣе окрашено въ цвѣтъ того или другаго изъ существующихъ въ европейскомъ обществѣ направленій. На семъ основаніи систематическій курсъ всеобщей исторіи въ учебныхъ заведеніяхъ лучше заканчивать Вѣнскимъ конгрессомъ, а относительно событій послѣдующаго времени ограничиваться только указаніемъ на нихъ, какъ на совершившіеся факты, не входя въ подробное разсмотрѣніе ихъ смысла и значенія. Такого плана держатся многіе составители учебниковъ исторіи и исторіи литературы на западѣ; такого же плана слѣдовало бы держаться и у насъ. Нельзя не отмѣтить также относительно педагогической пригодности таблицъ г. Гуревича, что усвоеніе массы помѣщенныхъ въ нихъ разнообразнаго содержанія фактовъ будетъ не по силамъ учащихся въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ таблицы введены, въ конспективномъ видѣ, событія изъ исторіи Россіи, Испаніи, Португаліи, Италіи, Швейцаріи, Англіи, Голландіи, Бельгіи, Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, Германіи, Австріи, Пруссіи, Франціи, Польши, Скандинавіи, Турціи и Греціи. Заучить и сохранить въ памяти этотъ подробный и весьма разнообразный по своему содержанію историческій конспектъ почти невозможно. Наконецъ слѣдуетъ замѣтить о неоднократно попадающихся въ разсматриваемыхъ таблицахъ типографскихъ опечаткахъ, каковы: «Изложение Карла II-го Стюарта», вмѣсто Карла I-го (таблица 1), «Начавшееся въ Кадиксѣ возстаніе охватываетъ всю Италію», вмѣсто Испанію (таблица XIV) и другіе.

На основаніи вышеизложеннаго и въ виду того, что си-

стематическій курсъ всеобщей исторіи въ духовныхъ семинаріяхъ по утвержденной Св. Синодомъ программѣ оканчивается Вѣнскимъ конгрессомъ и возникновеніемъ священнаго союза, а на важнѣйшія событія послѣдующаго времени дѣлается только краткое указаніе, учебный комитетъ не находитъ возможнымъ одобрить таблицы г. Гуревича въ качествѣ учебнаго пособія по предмету исторіи для учащихся въ духовныхъ семинаріяхъ, но полагалъ бы допустить оныя въ фундаментальныя бібліотеки духовныхъ семинарій въ качествѣ справочной книги по послѣднимъ отдѣламъ Новой гражданской исторіи.

РАСПОРЯЖЕНІЕ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА

О чертежахъ для построекъ. — Тульское губернское правленіе 31 декабря 1877 г. въ отношеніи своемъ тул. духов. консисторіи прописало: въ виду разнообразія и неопредѣленности составляемыхъ и разсматриваемыхъ проектовъ на разнаго рода постройки и сооруженія, г. министръ внутр. дѣлъ циркулярнымъ предложеніемъ, отъ 4 декабря 1874 г., за № 3171, призналъ необходимымъ установить однообразную форму чертежей какъ для лицъ составляющихъ, такъ равно для повѣряющихъ и утверждающихъ оныя. Форма эта заключается въ слѣдующемъ: 1) чтобы чертежи были сдѣланы на листахъ бумаги, разрѣзанныхъ на форматы длиною 13 дюймовъ, шир. 8 дюймовъ и наклеенныхъ на коленкоръ; 2) чтобы за масштабъ для фасадовъ, плановъ и разрѣзовъ принимать 2 саж. въ дюймѣ, а для генеральныхъ плановъ 5 сажень въ дюймѣ. Независимо отъ масштаба, на чертежахъ должны быть подписаны главнѣйшія мѣры. Для деталей допускается масштабъ произвольной величины; 3) чтобы при чертежахъ на постройки были прилагаемы генеральные планы мѣстности, съ показаніемъ странъ свѣта; 4)

чтобы каждый чертежъ, какой бы величины онъ не былъ, по наклейкѣ на коленкоръ могъ удобно складываться и принимать размѣръ одного формата, и б) чтобы въ каждомъ отдѣльномъ чертежѣ, на наружной его сторонѣ, т. е. на коленкорѣ, былъ наклеенъ ярлыкъ съ соотвѣтственною надписью: „фасадъ“ или „разрѣзь“ или „планъ“ „такого-то“ строенія. Кромѣ того, при покрытіи на чертежахъ частей сооруженія колерами принять въ руководство: а) строенія существующія какъ на планѣ мѣстности, такъ и на детальныхъ планахъ и разрѣзахъ должны обозначаться слѣдующими красками: каменные — ярко карминомъ, деревянные — темно-синею сіею; строенія вновь предполагаемыя, а также и надстройки: каменные — ярко сурикомъ, деревянные — гуммигутомъ. Въ случаѣ же надстройки существующаго строенія, на фасадѣ онаго должна быть показана сурикомъ линия, съ которой начинается надстройка. Строенія или части оныхъ, предполагаемыя къ сломкѣ, покрываются легко тушью, равно покрываются слабо тушью выемки земли, а насыпи обозначаются слабо гуммигутомъ. Желѣзные и чугунные части въ зданіяхъ, какъ напримѣръ, стропила, зонтики, балконы, колонны и т. п., должны быть вычерчены легко берлинскою лазурью; б) карминомъ и сурикомъ означаются старыя или новыя кирпичныя кладки; кладка же тесовая, бутовая, бетонная и иныя означаются по роду матеріала, колерами, подходящими къ натуральному виду означенныхъ кладокъ; в) для чертежей грунтовыхъ и шоссейныхъ съ приложенными къ нимъ нивелировочными профилями и планами мѣстности, на большихъ пространствахъ, наблюдаются правила, изложенныя въ инструкціи строительнымъ отдѣленіямъ губернскихъ и областныхъ правленій для руководства при начертаніи плановъ на новую обстройку городовъ и на измѣненіе существующаго Высочайше утвержденнаго городского регулированія, приложен-

ной къ циркуляру министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 10 марта 1870 г., за № 66.

Принимая во вниманіе, что поступающіе на разсмотрѣніе губернскаго правленія (по строительному отдѣленію) проекты на разнаго рода частныя, общественныя и церковныя сооружеія, составляемыя несогласно съ преподанными г. министромъ внутреннихъ дѣлъ правилами, не рѣдко возвращаются для исправленія, или пересоставленія, возбуждая тѣмъ излишнюю переписку и потерю иногда удобнаго для работъ времени, то, во избѣжаніе сего и для однородія въ формѣ проектовъ и чертежей, сообщаемыхъ на разсмотрѣніе губернскаго правленія, строительнаго отдѣленія онаго, съ разрѣшенія господина начальника губерніи, сообщая духовной консисторіи о содержаніи циркулярнаго предложенія г. министра внутр. дѣлъ, за № 3171, для руководства и исполненія со стороны лицъ, составляющихъ проекты и чертежи, долгомъ считаетъ присовокупить, что проекты, составленные не согласно сихъ правилъ, будутъ возвращаемы безъ разсмотрѣнія. По выслушаніи сего консисторія постановила: принявъ къ свѣдѣнію, сообщить въ редакцію Тул. Епарх. Вѣдомостей копію съ этого отношенія для напечатанія во всеобщее свѣдѣніе тульскаго духовенства.

П. ИЗВѢСТІЯ.

а) Благодарность епарх. начальства.

Опредѣленіемъ консисторіи, утвержденнымъ Его Высокопреосвященствомъ, по дѣлу о возобновленіи иконостаса въ церкви села Нижней Пшевы новосил. у. и исправленіи другихъ ветхостей, съ употребленіемъ въ расходъ пожертвованной прихожанами и другими лицами

суммы 2400 р., въ число коихъ пожертвовали: 1) мѣст. причтъ 20 р., 2) купецъ Михайль Мясичевъ 50 р., 3) цер. староста казен. кр. Яковъ Полухинъ 100 р., казен. крестьяне: 4) М. Поспѣловъ 100 р., 5) Д. Клишинъ 100 р., 6) К. Возыкинъ 100 р., 7) М. Софоновъ 200 р., 8) псизвѣстный 350 р. и 9) прихожане 1330 р. и сверхъ сего крапивен. мѣщ. Никита Стефановъ — икону двенадцатыхъ праздниковъ въ 50 р. — между прочимъ заключено: жертвователямъ на это возобновленіе объявить съ поименованіемъ ихъ и самыхъ пожертвованій чрезъ Епарх. Вѣд. благодарность епархіального начальства.

б) Пожертвованія.

Почтныя граждане Василій, Иванъ и Пётръ Ивановичи Сушкины пожертвовали билетъ т.л. город. общ. И. Д. Сушкина банка, отъ 2 января 1878 г., за № 18, въ 1000 р., на вѣчное время для обращенія изъ процентовъ, въ пользу общежительнаго мужскаго монастыря во имя Божіей Матери „Млекопитательницы“ въ Щегловѣ близъ г. Тулы. Капиталь этотъ не подлежитъ возврату, и проценты уплачиваются согласно сдѣланному условію 6½%⁰. Проценты съ того блага на свѣчи, масло, ладонь и за поминавленіе означенныхъ въ билетѣ лицъ.

в) Разныя извѣстія по епархіи.

Умерли: 1) священникъ г. Тулы Спасопреображенской ц. *Михаиль Покровский* и 2) діаконъ г. Одоева соборной Воскресенской ц. *Ипатій Боголюбенскій*.

— По резолюціи Его Высокопреосвященства, согласно Высочайше утвержденному росписанію приходовъ по тульской епархіи и собственному желанію прихожанъ с. Вязицъ кашир. у., соединено с. Вязицы съ селомъ Сенькинымъ въ одинъ нераздѣльный приходъ при одномъ и томъ же причтѣ.

— По резолюціямъ Его Высокопреосвященства, утверждены законоучителями въ своихъ приходскихъ школахъ священники: 1) одоев. у. с. Скоморошекъ *Петръ Блюсовъ* и 2) вевев. у. с. Студенца *Сергій Тепленскій*.

— По резолюціи Его Высокопреосвященства, утвержденъ іеромонахъ *Германъ* духовникомъ братіи тул. Богородичнаго монастыря.

— По резолюціи Его Высокопреосвященства, по преклонности лѣтъ и слабости здоровья уволенъ, согласно собственному прошенію священникъ одоев. у. с. Вязовны *Григорій Раевскій* заштатъ по надлежащему. Священническое мѣсто въ с. Вязовнѣ объявляется вакантнымъ.

— По резолюціи Его Высокопреосвященства, на второе праздно штатное священническое мѣсто при тульской Спасопреображенской ц. перемѣщенъ священникъ Вознесенской г. Тулы ц. *Іоаннъ Бѣловодскій*; а второе священническое мѣсто при Вознесенской г. Тулы ц. объявляется открытымъ для желающихъ.

— По резолюціи Его Высокопреосвященства, діаконъ черн. у. с. Спасскаго на Зушѣ *Михаилъ Звѣревъ* определенъ на праздно штатное священническое мѣсто въ с. Колтовѣ кашир. у.

— По резолюціи Его Высокопреосвященства, определенъ дьячекъ черн. у. с. Ивановскаго, что на Плавницѣ, *Яковъ Пьецевъ* на праздно, за выбитіемъ діакона Михаила Звѣрева исполнявшаго псаломщицкую должность, штатное причетническое мѣсто въ с. Спасскомъ, на Зушѣ, при Старопреображенской церкви.

Г) С П И С О К Ъ

пожертвованій въ пользу раненныхъ и больныхъ воиновъ
1877 года(*).

44) Въ г. Тулѣ отъ духовенства 126 р. 21 коп., отъ церковныхъ старость 66 р., изъ кружекъ 2723 р. 76 к.

45) Отъ духовенства бѣлев. 1 окр. 33 р. 8 коп., изъ кружекъ 14 р. 75 к., тарелочнаго сбора 14 р.

46) Отъ духовенства одоев. 1 окр. 28 р. 5 коп., отъ церковей 12 р. 70 к., отъ церковныхъ старость 9 р. 40 к., отъ разныхъ лицъ 8 р. 45 к.

(*) Продолженіе. — См. № 24 Т. Е. В. 1877 г.

47) Отъ духовенства одоев. 2 окр. 7 р. 85 коп., отъ церкви 4 р. 30 к., изъ кружекъ 7 р. 55 к.

48) Отъ духовенства одоев. 3 окр. 18 р., отъ церкви 18 р. 50 к. и отъ прихожанъ с. Павловскаго 8 р. и холста 60 арш.

49) Отъ духовенства новосил. 1 окр. 16 р., отъ церкви 46 р. 90 к. и отъ церковнаго старосты с. Галичя 1 руб.

С П И С О КЪ

поздравивъ въ полудне въ день въ домъ въ
 1877 году*)

44) Отъ духовенства одоев. 2 окр. 7 р. 85 коп., отъ церкви 4 р. 30 к., изъ кружекъ 7 р. 55 к.

45) Отъ духовенства одоев. 3 окр. 18 р., отъ церкви 18 р. 50 к. и отъ прихожанъ с. Павловскаго 8 р. и холста 60 арш.

46) Отъ духовенства новосил. 1 окр. 16 р., отъ церкви 46 р. 90 к. и отъ церковнаго старосты с. Галичя 1 руб.

ПРИВАВЛЕНІЯ КЪ ТУЛ. ЕПАРХ. ВѢДОМОСТЯМЪ.

15-го Февраля

№ 4.

1878 года.

У ЕЛАГИНЫХЪ.

(Разказъ изъ дневныхъ записокъ священника)(*).

II.

—Надѣюсь, В. П., вы еще не кончили своего разговора съ батюшкою, обратилась А. П. къ Скавронскому, когда мы вышли изъ за стола.

—Конечно, не кончили, отвѣтилъ Скавронскій: мы еще не касались вопросовъ крестьянскаго и негрскаго, или рабства въ собственномъ смыслѣ слова. И я надѣюсь доказать батькѣ, что христіанство здѣсь было причиною этого величайшаго въ мірѣ зла, освятивши рабство, а философія возстала противъ этого зла и вообще противъ христіанства въ защиту истинныхъ правъ человѣчества.

—А батюшка такъ будетъ добръ, что не откажется принять вашъ вызовъ на состязаніе, сказалъ Н. А. съ особымъ удареніемъ на словѣ „батюшка“, какъ бы въ явный укоръ Скавронскому, всегда мнѣ говорившему „батька“ и притомъ непремѣнно съ гримасою, точно онъ произносилъ самое непріятное для него слово.

—Разумѣется, отвѣтилъ я, мнѣ будетъ пріятно доказать В. П. противное.

—Посмотримъ, сказалъ Скавронскій. Вотъ же вамъ мое положеніе, которое вы должны опровергнуть: христіанство,

(*) Окончаніе.—См. № 3.

появившись въ мірѣ во времена римскаго владычества, когда рабство было всеобщимъ явленіемъ въ мірѣ, не только не свергло съ человѣчества такого ига, но еще осватило его, какъ явленіе вполне естественное и сообщило ему новую жизненную силу, приведшую христіанъ послѣдующаго времени къ постыдной торговлѣ неграми невольниками; философія же, какъ истинный другъ человѣчества, первая возстала противъ этого зла, возвѣстивши міру совершенно новую, дотолѣ невѣдомую истину, именно ту, что и крестьянинъ, и рабъ восточнаго деспота, и негръ-невольникъ суть такія же существа, какъ и всѣ люди, и что поэтому и эти несчастные должны пользоваться такою же свободою, какъ и всѣ прочіе люди...

— Неправда! Еще первая изъ священныхъ книгъ, книга Бытія возвѣстила намъ, что весь родъ чедовѣческой произошелъ отъ одной только первозданной четы, созданной Богомъ по образу Божию и по подобію, и что поэтому всѣ люди имѣютъ одинаковое богоподобное естество по своей душѣ, а по тѣлу тлѣнные. Стало быть, та истина, что всѣ люди суть люди, была извѣстна еще ветхозавѣтному чедовѣчеству. Христіанство же не только не затмило этой истины, но напротивъ вполне развило ее до совершенства. Самимъ же Спасителемъ нашимъ было возвѣщено, что всѣ люди не только одинаковыя съ нами существа, но и суть *близніе* наши, и что совсѣми мы должны обходиться такъ же кротко, справедливо и милостиво, какъ бы мы хотѣли, чтобы и всѣ другіе съ нами поступали; мало того, Онъ даже заповѣдалъ намъ любить самыхъ враговъ нашихъ, а рабы еще не враги владѣльцевъ, и слѣдовательно по Его ученію должны были считаться такими же ближними, какъ и свободные люди. Затѣмъ ап. Павелъ, будучи приведенъ въ аѳинскій ареопагъ, говорилъ тамъ членамъ ареопага: „Богъ, сотворившій міръ, отъ одной крови произвелъ весь родъ чедовѣческой, для обитанія по всему лицу земли, назначивъ предопредѣленные времена и предѣлы ихъ обитанія“. Стало быть, онъ весьма ясно здѣсь высказалъ ученіе о единствѣ чедовѣческаго рода. Въ посланіяхъ же своихъ къ Римлянамъ и Галатамъ онъ писалъ: „Нѣтъ лицепріятія у Бога... Всѣ, во Христа кре-

стившіеся, во Христа облеклись. Нѣтъ уже іудея, ни язычника, нѣтъ раба, ни свободнаго: ибо всѣ одно во Христѣ Иисусѣ“. Стало быть, онъ здѣсь ясно возвѣщаль, что предъ лицомъ Правосуднаго Бога и предъ лицомъ общей нашей Матери-церкви Христовой всѣ люди равны, если они вѣруютъ во Христа. А какъ весь законъ основывается на заповѣдяхъ о любви къ Богу и ближнему, и ближняго мы должны любить, какъ самихъ себя, и какъ съ другой стороны мы должны быть ко всѣмъ безъ различія милосерды такъ же, какъ и Отецъ нашъ Небесный милосердъ къ намъ; то не вытекаетъ ли отсюда то, что христіанство освятило не рабство, а свободу во всякомъ званіи и состояніи, въ какомъ бы кто ни былъ, что оно первое возвѣстило міру ту истину, что и рабъ и невольникъ, будучи такимъ же нашимъ ближнимъ, какъ и свободный гражданинъ и господинъ, суть такіе же наслѣдники вѣчнаго царствія, какъ и всѣ, и что поэтому съ ними всѣ должны обращаться съ такою же кротостію и любовію и съ такимъ же уваженіемъ къ ихъ личности, съ какими мы относимся къ людямъ свободнымъ и господамъ?

— Положимъ, что все это было сказано, но сказано такъ обще, что истина оставалась непонятою, и рабство осталось въ прежнемъ видѣ...

— То есть, вы хотите сказать, что міръ чуть не двѣ тысячи лѣтъ былъ глухъ къ этой истинѣ, а потомъ вдругъ внялъ ея голосу?.. Это вѣрно...

— Да нѣтъ же! Истина эта доселѣ не была подтверждена наукою, не была наглядна. Только лишь новѣйшія изслѣдованія ученыхъ доказали единство происхожденія человѣческаго рода и единство силъ душевныхъ у всѣхъ народовъ, племенъ, сословій и половъ. Философія раскрыла эту истину, уяснила ее и возвѣстила міру во всеуслышаніе, что всѣ люди суть люди, равные между собою по естеству. И она возвѣстила это міру, настоятельно требуя признанія за всѣми людьми одинаковыхъ правъ на уваженіе ихъ личнаго достоинства и неприкосновенность ихъ труда. Міръ внялъ этому голосу философіи, и все пошло по-нову! На бѣдныхъ крестьянъ и невольниковъ начали смотрѣть, не какъ на какое-нибудь рабочее животное, ода-

реяное даромъ слова, а какъ на существо мыслящее, достойное любви и пользованія свободою...

— То есть, философія давно извѣстную всему христіанскому міру истину выдала за свое собственное произведеніе?... Не спорю...

— Да нѣтъ же! Она совсѣмъ иначе поставила вопросъ. Она прямо возвѣстила міру уничтоженіе рабства и невольничества, какъ великихъ золъ, несообразныхъ съ достоинствомъ человѣка. А вѣдь христіанство-то этого не сдѣлало. Оно даже закрѣпило рабство... Вѣдь вы не можете отвергнуть того, что у Ап. Павла не разъ говорится въ посланіяхъ: „рабы! повинуйтесь своимъ господамъ“? Что это, какъ не освященіе рабства, закрѣпленіе его на цѣлыя тысячелѣтія и признаніе его господства въ мірѣ?

— Да, это, точно, сказано у Ап. Павла. Но за чѣмъ же вы, останавливаясь только на этихъ словахъ Апостола, не берете во вниманіе другихъ, рядомъ же съ ними стоящихъ?...

— Какихъ же это?

— А вотъ какихъ: „и вы, господа, поступайте съ ними такъ же“, т. е. какъ рабы Христовы, „оказывая имъ должное и справедливое, умѣряя строгость, зная, что и надъ вами самими и надъ ними есть на небесахъ Господь, у котораго нѣтъ лицепріятія.. Каждый получить отъ Господа по мѣрѣ добра, которое онъ сдѣлалъ, рабъ ли или свободный“. (Еф. VI, 8 и 9), и еще: „любовь не дѣлаетъ ближнему зла; она есть исполненіе закона“ (Римл. XIII, 10). Не ясно ли отсюда, что и самимъ господамъ предписаны были обязанности по отношенію служащимъ у нихъ, подъ одинаковою отвѣтственностію предъ Богомъ за нарушеніе ихъ? Какъ же вы говорите, что христіанство было причиною великихъ золъ: хотите ему приписать освященіе, узаконеніе, оправданіе тѣхъ жестокостей и притѣсненій, какія наши крестьяне и негры — невольники терпѣли отъ своихъ владѣльцевъ? Вѣдь все это происходило не отъ того, чтобъ господа наши и торговцы невольниками слѣдовали предписаніямъ закона Божія, а напротивъ отъ того, что они вовсе не слушали голоса христіанскаго ученія въ этомъ случаѣ и поступали вопреки этому ученію по своему произволу...

— А все же таки сказано вѣдь: „рабы! повинуйтесь своимъ господамъ“? Отъ чего бы Апостолу не сказать такъ, какъ сказала наша философія: „рабы! нѣтъ надъ вами властителей... вы больше не рабы, а свободные граждане... И вы, господа, отпустите своихъ рабовъ на волю: они такіе же точно люди и такіе же граждане, какъ и вы сами, и не должны вамъ повиноваться“?...

— Казалось бы такъ. Но вы забываете слова Спасителя: „царство Мое не отъ міра сего“. Христіанство никогда не касалось политики и не вмѣшивалось въ чуждую ему область, во внѣшнее устройство гражданскихъ обществъ, не измѣняло насильственно, существовавшихъ въ государствахъ, порядковъ и не производило переворотовъ или революцій. Оно появилось въ мірѣ въ ту пору, когда рабство существовало; проповѣдано же оно было не мечемъ и огнемъ, подобно магометанству, а простою устною рѣчью, дышавшею кротостію и любовію ко всѣмъ, и пронесенною по вселенной людьми самыми бѣдными, отрешившимися отъ мірскихъ почестей и земной славы. И возвѣщаемо оно было этими людьми не какъ законоположеніе гражданское и политическое, а какъ законъ нравственный. Не касаясь порядковъ благоустройства гражданскаго, не производя никакихъ политическихъ переворотовъ и измѣненій во внѣшнемъ строѣ гражданскихъ обществъ, оно лишь возвѣщало міру спасеніе и заботилось о насажденіи мира и любви въ сердцахъ всѣхъ людей, начиная отъ государей и господъ и до послѣдняго раба, осужденнаго на смерть отъ руки палача или на съѣденіе звѣрямъ, и всѣхъ равно призывало въ благодатное царствіе Божіе, въ какомъ бы кто званіи и состояніи ни былъ. Оно каждому предписывало такія обязанности его званія, исполняя которыя, онъ могъ быть и истиннымъ членомъ церкви, и наслѣдникомъ царствія небеснаго, и честнымъ, полезнымъ, мирнымъ гражданиномъ. При этомъ оно явно стремилось къ водворенію въ обществѣ мира и спокойствія, когда притѣснителямъ грозило судомъ Божиимъ, а притѣсняемыхъ утѣшало обѣщаніемъ награды за терпѣніе... И мы видимъ въ исторіи, что въ первыхъ христіанскихъ обществахъ господствовали миръ и любовь ко всѣмъ, бла-

готовность и взаимное попечение другъ о другѣ, общительность и равноправность: тамъ и рабъ и свободный, господинъ и слуга были равны предъ лицомъ церкви и церковнаго суда, каждому воздавалось должное и справедливое.

— Да, это было только въ началѣ; а потомъ что вышло изъ всего этого въ концѣ концовъ? Угнетеніе рабовъ и торговля невольниками?...

— Впослѣдствіи многіе уклонились отъ точнаго исполненія своихъ обязанностей, стали больше заботиться о своихъ прихотяхъ, и вышло нестроеніе: господа и владѣльцы стали смотрѣть на слугъ и рабовъ какъ на полную свою неотъемлемую собственность, которою они могутъ распоряжаться, какъ только имъ вздумается, и завладѣли не только гражданскою, но и нравственною ихъ свободою. Но кто же въ этомъ виноватъ? Неужели христіанство? Нѣтъ, не оно; а законы гражданскіе, не предупреждавшіе и не пресѣкавшіе своеволія владѣльцевъ и господъ. Церковь всегда вопіяла противъ нарушенія и попранія человѣческихъ правъ и человѣческаго достоинства несчастныхъ рабовъ и противъ жестокаго съ ними обращенія; но ея обличеній и увѣщаній не слушали. Здѣсь нужна была власть гражданская для прекращенія своеволія, но и эта власть скорѣе потворствовала ему, чѣмъ заботилась о его прекращеніи: крестьянинъ и негръ-невольникъ, можно сказать, были безответны предъ судомъ представителей этой власти даже и въ недавнія времена, а властелинъ всегда былъ правъ, какъ бы жестоко ни обращался онъ съ своими подвластными. Самые законы-то гражданскіе въ этомъ отношеніи были источниками зла, потому что они не стремились къ прекращенію этого зла и не сообразовались съ духомъ любви христіанской: они не были для всѣхъ равно одинаковы и не подвергали справедливой карѣ тѣхъ, кто на своихъ подвластныхъ смотрѣлъ, какъ на рабочихъ животныхъ и цѣнную собственность, и въ полномъ смыслѣ слова испивалъ ихъ потъ и кровь и заставлялъ ихъ проливать горючія слезы, стелая подъ игомъ рабства. Можно было ожидать помощи отъ философіи, но и она сама цѣлая тысячалѣтія смотрѣла на человѣка слѣпыми очами духа времени и не заботилась

о томъ, чтобы идти рука объ руку съ христіанскимъ ученіемъ о личности и правахъ каждаго человѣка. Наконецъ, она, какъ бы очнувшись отъ долгаго и непробуднаго сна, вступилась за права несчастныхъ, но не какъ провозвѣстница чистой истины, а какъ хитрая лицемѣрка: она прибѣгла къ явной лжи, всю тяжесть золь въ мірѣ, происшедшихъ отъ рабства и невольничества возлагая на отвѣтственность христіанства, а себя выставляя первою проповѣдницею въ мірѣ тѣхъ высокихъ идей человѣколюбія и равноправности, которыя давно уже были возвѣщены христіанству и не могли быть неизвѣстными какъ самой философіи, такъ и всему міру...

—Такъ вы рѣшительно никакой заслуги въ этомъ великомъ дѣлѣ не признаете за философіею?... Это немыслимая вещь...

—Я признаю за нею, а равно и за прогрессомъ и цивилизаціею, ту именно услугу человѣчеству, что они провели въ жизнь и убѣжденія современнаго человѣчества необходимость уничтоженія рабства и невольничества, но не признаю за ними имени первыхъ провозвѣстниковъ истинныхъ понятій о личности и правахъ каждаго человѣка и равенствѣ всѣхъ по своему естеству и предъ закономъ: имя это имъ не принадлежитъ... Напрасно и вообще ваши философы и прогрессисты имѣютъ притязаніе на славное имя провозвѣстниковъ всѣхъ вообще свѣтлыхъ и высокихъ идей и величаютъ себя друзьями человѣчества: все, что только есть истиннаго и великаго, возвѣщено намъ въ откровеніи Божественномъ; въ христіанствѣ вы найдете все истинное и великое, доставляющее человѣку истинное счастье на землѣ и блаженство на небѣ. Системъ философскихъ о мірѣ и человѣкѣ было множество, и что съ ними случилось? Всѣ онѣ въ свое время падали одна за другою и одна передъ другою: одинъ философъ училъ такъ, а другой иначе, другъ друга опровергали, другъ надъ другомъ торжествовали и другъ за другомъ сошли со сцены, и системы ихъ пали и сдѣлались достояніемъ исторіи заблужденій человѣческаго ума. А откровеніе все себѣ стоитъ и стоитъ непоколебимо, и будетъ стоять до конца вѣка, потому что оно есть сама истина, вѣщаніе самаго Духа Божія, говорившаго чрезъ

пророковъ и Апостоловъ, а не произведеніе ограниченнаго ума человѣческаго.

—И такъ, все, что только есть истиннаго, вы приписываете христіанству?

—Да. Только въ христіанствѣ чистая, совершеннѣйшая истина.

—Въ христіанствѣ?! А само христіанство-то откуда все заимствовало?

—Оно все черпало изъ одного только источника всякой истины....

—Изъ какого же?

—Изъ откровенія Божественнаго. Самъ Сынъ Божій воплотившійся принесъ его на землю, согласно вѣщаніямъ пророковъ, а осѣненные Духомъ Святымъ апостолы пронесли его по всей вселенной и заключили въ свои писанія...

—Неправда. Уже давно доказано, что самъ І. Христосъ многое—многое заимствовалъ изъ ученій восточныхъ мудрецовъ, законодателей и философовъ...

—Нѣтъ, не доказано и никогда не можетъ быть доказано, потому что между ученіемъ христіанскимъ и ученіями современныхъ І. Христу философскихъ школъ языческихъ ничего нѣтъ общаго...

—А вы всмотритесь-ка въ исторіи древнихъ религій, и увидите, что и тамъ есть много такого, что, вы говорите, впервые возвѣстило міру христіанство. Прочтите-ка вы ученія основателей восточныхъ религій, особенно китайскихъ и индійскихъ, и увидите, что христіанство многое у нихъ заимствовало...

—Я уже ихъ читалъ, и потому могу не стать предъ вами въ тупикъ на этомъ пунктѣ... Вы совершенно не правы... Всмотритесь хорошенько въ ученія языческихъ религій и восточныхъ мудрецовъ, и легко замѣтите, что если и есть въ нихъ нѣчто согласное съ христіанскимъ ученіемъ о божественномъ міроправленіи, добродѣтели, любви къ людямъ и т. п., то это есть ничто иное въ этихъ ученіяхъ, какъ блески золота среди цѣлыхъ горъ мусора и всякой нечистоты, и притомъ блески, еще неочищенные отъ разныхъ наростовъ или нарочно закопченные дымомъ языческаго суевѣрія и нечестія, а вѣдь въ хри-

стіанствѣ-то мы видимъ совсѣмъ не то: въ немъ все одно только чистое золото т. е. одна только чистая истина; всѣ истины христіанскаго вѣроученія сказаны не мимоходомъ, не безсознательно, а нарочито, всѣ развиты до совершенства и возведены на степень основныхъ, непреложныхъ истинъ...

— Что же отсюда выходитъ?

— То именно, что эти истины не заимствованы у языческихъ законодателей и философовъ, а суть истины богооткровенныя: онѣ не обыкновеннымъ человѣческимъ разумомъ постигнуты, а открытыя человѣку свыше: однѣ изъ нихъ были принесены на землю Самимъ Сыномъ Божиимъ, а другія были открыты Духомъ Святымъ пророкамъ и апостоламъ, а ими возвѣщены міру и заключены въ писанія, а иныя еще въ первоначальныя времена міра были Богомъ открыты патріархамъ и по преданію сохранились въ народѣ Божіемъ до временъ Моисея, а имъ внесены въ писанія...

— А тогда какимъ же образомъ мы могли бы находить у языческихъ законодателей нѣкоторыя нравственныя правила жизни, не противныя ученію христіанскому? Неужели и язычникамъ Богъ открывалъ свою волю? А если такъ, то почему же и язычество не признать за истинную религію для младенествовавшего рода человѣческаго, какъ и христіанство для болѣе развитыхъ расъ? Или почему и христіанство наравнѣ съ языческими религіями не признавать за произведеніе человѣческаго ума, если вы скажете, что язычникамъ Богъ не открывалъ своей воли, а у нихъ все-таки, мы видимъ, есть нѣкоторыя истинныя правила вѣроученія и нравственности?...

— Для рѣшенія этого вопроса я прежде всего обращаю ваше вниманіе на то, что больше всего согласныхъ съ истинною нравственныхъ правилъ мы встрѣчаемъ въ самыхъ древнѣйшихъ законодательствахъ, а отнюдь не въ современныхъ І. Христу языческихъ системахъ законодателей и философовъ; тамъ же мы встрѣчаемъ и нѣкоторыя истинныя понятія о единомъ Богѣ, Владыкѣ неба и земли, и о томъ, что человѣкъ первоначально былъ невиненъ и блаженъ, а потому палъ и лишился блаженства,

и что настанетъ такое время, когда зло, вошедшее въ міръ чрезъ грѣхъ человѣка, будетъ побѣждено добромъ.

—Что же изъ того? Откуда самые древніе законодатели черпали эти истины, если не Богъ имъ открылъ или не сами они вымыслили ихъ?...

—То, что принадлежитъ собственно язычеству, они черпали изъ своего естественнаго разума, зараженнаго языческимъ суевѣріемъ?

—А что не принадлежитъ язычеству, откуда взяли?

—Изъ трехъ источниковъ: 1) изъ древнѣйшихъ преданій человѣчества, сохранившихъ остатки истинныхъ понятій о Богѣ и человѣкѣ и о жизни, согласной съ требованіями воли Божественной, 2) изъ закона естественнаго, не совсѣмъ еще изгладившагося изъ сердець лучшихъ людей въ средѣ язычниковъ послѣ разсѣянія народовъ и смѣшенія языковъ, и наконецъ, 3) изъ голоса природы видимой, вѣщавшей имъ о Богѣ. Указаніе на эти источники истины въ древнѣйшихъ языческихъ религіяхъ мы находимъ въ свящ. писаніи. Въ этомъ отношеніи я укажу вамъ на тотъ фактъ, что, по свидѣтельству книги Бытія, родъ человѣческій послѣ потопа около пятисотъ лѣтъ жилъ вмѣстѣ подъ управленіемъ патриарховъ Ноя, Сима, Арѣаксада, Каинана, Салы и Евера, и отъ нихъ получалъ наставленіе въ истинахъ вѣры и благочестія, а патриархамъ Самъ Богъ открывалъ свою волю... Потомъ послѣдовало раздѣленіе и разсѣяніе народовъ послѣ столпотворенія вавилонскаго и наконецъ уже появилось язычество и идолопоклонство, которое при патриархѣ Өарѣ распространилось даже въ потомствѣ Симовомъ, такъ что Господь благоизволилъ въ это время изъ среды всѣхъ прочихъ людей для сохраненія своей вѣры и церкви на землѣ отдѣлить Авраама. Это, какъ видно изъ нашей библейской хронологіи, случилось за двѣ тысячи тридцать девять лѣтъ до Р. Хр., слѣдовательно, спустя около семи сотъ лѣтъ отъ столпотворенія вавилонскаго, смѣшенія языковъ и разсѣянія народовъ. Обращаясь отсюда къ хронологіи всеобщей исторіи, мы находимъ ясное указаніе на то, что первыя прочныя, благоустроенныя государства образовались на землѣ около 2500 лѣтъ до Р. Хр., слѣдовательно спустя около 200 лѣтъ отъ столпотворенія вавилонскаго, или

даже и того менѣе, и образовались они подъ управленіемъ ближайшихъ потомковъ Ноя, именно его внуковъ и правнуковъ, какъ родоначальниковъ тѣхъ племенъ, которыя поселились въ той или другой странѣ и, можетъ быть, какъ предводителей ихъ во время разсѣянія. Къ этому же времени относятся и самыя первыя законодательства древнѣйшихъ народовъ, напримѣръ, въ Китаѣ законодательства императоровъ Фо—хи, Ю и Яо, которые своими законами утвердили основанія семейныхъ и общественныхъ добродѣтелей, установили законные браки, опредѣлили обязанности дѣтей къ родителямъ, младшихъ къ старшимъ, а всего народа къ императорамъ и поставленнымъ ими властямъ, и сами приносили жертвы всевышнему Владыкѣ неба(*)... О другихъ божествахъ въ древнѣйшей исторіи Китая вовсе не упоминается.

— Что же отсюда выходитъ?

— Отсюда очевидно выходитъ то, что во времена самыхъ первыхъ государственныхъ законодательствъ истинныя по-

(*) Имѣя въ своей домашней библиотекѣ очень любопытную исторію китайской имперіи Дюгальда 1774—77 г., приведу здѣсь нѣкоторыя свидѣтельства этой исторіи, составленной по китайскимъ лѣтописямъ, о первыхъ императорахъ. О первомъ императорѣ Фо—хи говорится между прочимъ, что онъ „научилъ своихъ подданныхъ разводять домашній скотъ для употребленія его въ пищу и для *закланія въ жертву*, повелѣлъ, чтобы женщины носили одежду отличную отъ мужчинъ и установилъ законы для брачнаго союза“. О третьемъ императорѣ Хуанъ—тиъ говорится, что онъ „приказалъ построить дворецъ Хо—гунъ, гдѣ *Всевышнему Владыкѣ неба* принесть жертву“. О четвертомъ императорѣ Шоу—Хоу сказано, что „въ концѣ его царствованія народъ вздумалъ было вмѣшиваться въ таинство священства: каждая семья хотѣла имѣть собственныхъ жертвоприносителей“. Но пятый императоръ Чу—Ань—Ю „отвратилъ это злоупотребленіе, узаконивъ, чтобы никто, кромѣ императора, не приносилъ торжественныхъ жертвъ *Господу неба*“. О шестомъ императорѣ Ти—Ко говорится, что онъ „*всевышнему небесъ Владыкѣ* поклонялся и служилъ съ благоговѣніемъ и ревностію“, былъ очень добродѣтеленъ, но, нарушивши законъ Фо—хи, „*первый ввелъ у китайцевъ многоженство*, взявъ за себя четырехъ женъ“. О сынѣ его, 8 императорѣ Яу, говорится, что онъ „никогда не ѣзжалъ по своей имперіи, не принеся прежде жертвъ *всевышнему Владыкѣ неба*“. О десятомъ императорѣ Ю, вступившемъ на престоль въ 2217 г. до Р. Хр. говорится, что, издавъ законъ о престолонаслѣдствѣ, онъ сдѣлалъ и верховное священство наследственнымъ въ императорскомъ домѣ: кромѣ императора, подъ опасеніемъ лишенія жизни, никому не позволялось исполнять должность верховнаго жреца. (См. ч. II стр. 2, 3, 8, 11, 13, 14, 15 и 22). О законоположеніяхъ Фо—хи, Ю и Яо см. у Голубинскаго умозрит. богословіе стр. 228.

нѣтія о единомъ Богѣ, Творцѣ вселенной и верховномъ Міроправителѣ, а равно и правила чистой нравственности не были еще совсѣмъ утрачены тѣми народами, которые отдѣлились отъ племени патріарха Евера, разсѣялись по разнымъ странамъ и образовали древнѣйшія на землѣ государства. Лучшіе люди въ средѣ этихъ народовъ еще сохраняли остатки благочестивыхъ преданій, дошедшихъ къ нимъ отъ Ноя и его сыновей, и правила чистой нравственности, и своими законами старались поддержать въ своихъ народахъ эти преданія и правила и сохранить ихъ для позднѣйшихъ временъ... Но время брало свое: законы измѣнялись сообразно съ требованіями времени и жизни народовъ, а съ ними постепенно утрачивались въ законахъ и самыя свидѣтельства о единомъ Богѣ и чистой нравственности, когда народы стали жить по своимъ похотямъ, не слушая предписаній прежнихъ законовъ и голоса своего разума и совѣсти; мѣсто ихъ постепенно заступали суевѣрія и предрасудки и цѣлая тьма заблужденій по мѣрѣ того, какъ умъ человѣческой уклонился отъ истины и добра и обращался ко лжи и злу. Однако же нужно замѣтить, что вмѣстѣ съ утратою и искаженіемъ древнѣйшихъ преданій не совсѣмъ еще угасло свидѣтельство о Богѣ и добродѣтели. Законъ естественный, написанный въ сердцахъ всѣхъ людей, всегда напоминалъ язычникамъ о Богѣ и стремленіи къ святости и благоугожденіи Богу. Въ сердцахъ язычниковъ, какъ говоритъ ап. Павелъ, всегда оставалось написаннымъ дѣло законное, т. е. голосъ разума и совѣсти и имъ такъ же, какъ и намъ теперь, внушались нравственные законы, самимъ Богомъ начертанные въ сердцахъ каждаго человѣка; совѣсть всегда была въ нихъ судіею ихъ поступковъ, дурное осуждала, а хорошее одобряла. Таковъ непреложный законъ правды Божіей для всѣхъ! Мы въ самихъ себѣ носимъ законъ нравственный, а письменный законъ только лишь напоминаетъ намъ объ этомъ законѣ и побуждаетъ къ исполненію его, и данъ людямъ вслѣдствіе того, что они не стали слушаться закона естественнаго, заглупшая въ себѣ голосъ разума и совѣсти.

— Гмъ! Что-то мудрено. Невѣрится тому, чтобы въ каждомъ человѣкѣ былъ законъ естественный: скорѣе это есть

слѣдствіе воспитанія въ преданіяхъ старины, чѣмъ природное свойство...

— Ап. Павелъ, какъ вы конечно знаете, весьма ясно говоритъ объ этомъ внутреннемъ законѣ, да и по опыту вы можете убѣдиться въ томъ, что въ насъ этотъ законъ дѣйствительно есть. Вотъ вы, напримѣръ, требуете гражданскаго брака и не признаете святости и необходимости нашего православнаго брака. Стало быть, для васъ совершенно безразлично, будутъ ли супруги жить въ мирѣ и согласіи, или же постоянно будутъ ссориться и добровольно разойдутся другъ съ другомъ. Однако же, представьте себѣ такой случай: молодая чета вашихъ ближайшихъ родственниковъ или знакомыхъ, жившая нѣсколько лѣтъ въ мирѣ и любви другъ къ другу, вдругъ на вашихъ же глазахъ изъ-за какого-нибудь недоразумѣнія начинаетъ между собою ссору и несогласіе, находятся люди, которые стараются подстрекать ту или другую сторону къ неуступчивости и совершенному разладу семейному; вы все это хорошо видите и понимаете, что все дѣло у нихъ вышло изъ-за недоразумѣнія, улучшаете удобную минуту, объясняетесь съ тою и другою стороною, улаживаете дѣло, и они снова начинаютъ жить въ мирѣ и любви, благословляя васъ за оказанную имъ услугу. Скажите же: неужели вамъ не будетъ отрадно видѣть ихъ новую счастливую семейную жизнь? Неужели ваша совѣсть не будетъ вамъ говорить, что вы совершили доброе дѣло, примиривши эту чету?

— О, конечно, это будетъ доброе дѣло.

— Теперь представьте же себѣ другой случай. Та же самая молодая чета жила вполне счастливо, но вотъ стали между ними все съ своими претензіями на права гражданскаго брака, разстроили ихъ счастье, расторгли ихъ брачный союзъ и довели ихъ до того, что они оба сдѣлались погибшими людьми и стали день и ночь проклипать ваше съ ними знакомство. Неужели вы отнесетесь къ этому печальному событію совершенно хладнокровно? Неужели будете думать, что вы сдѣлали для нихъ не величайшее зло, а добро, погубивши ихъ? Неужели совѣсть ваша ни разу не упрекнетъ васъ въ томъ, что вы погубили два существа, бывшихъ вполне счастливыми до ва-

шего знакомства съ ними? Нѣтъ! этого не можетъ быть: всякій разъ, какъ только вы увидите несчастіе этихъ людей или вспомните о немъ, совѣсть ваша будетъ укорять васъ въ преступленіи противъ нихъ. И неужели это будетъ слѣдствіемъ вашего воспитанія въ преданіяхъ старины, когда вы сами перевоспитали себя въ понятіяхъ совершенно противныхъ этимъ преданіямъ?..

—Итакъ остатокъ первобытныхъ преданій и законъ внутренній были причиною того, что и у язычниковъ были въ законахъ нѣкоторыя истины?..

—Да. Но не одни только они, а и голосъ природы видимой. Этотъ голосъ всегда такъ ясно свидѣтельствовалъ людямъ о Богѣ, что и язычники чрезъ разсмотрѣніе сотворенныхъ Имъ вещей, по словамъ Ап. Павла, могли постигнуть присносущную силу Божию и имѣть истинное понятіе о Богѣ, и если они не вняли этому голосу, то они весьма виновны въ томъ предъ судомъ Божиимъ. Не забудемъ при этомъ и того, что хотя Господь и попустилъ язычникамъ, по непреложному закону правды своей, ходить по путямъ невѣдѣнія за то, что они оставили Его, но не предалъ ихъ вѣчной гибели: по безконечной благодати своей, Онъ и ихъ мало-по-малу съ теченіемъ вѣковъ приготавливалъ къ познанію Его и принятію спасенія. Не только законъ естественный, голосъ природы и остатки первобытнаго откровенія приводили лучшихъ изъ язычниковъ—законодателей и философовъ къ мысли о единомъ Богѣ, творцѣ и промыслителѣ вселенной, и необходимости возрожденія человѣческаго естества, но и самая судьба всѣхъ народовъ, разсѣяніе народа Божія по странамъ языческимъ за нѣсколько столѣтій (израильтянъ за 723, а іудеевъ за 607 лѣтъ) до Р. Хр., а еще прежде того жизнь евреевъ въ Египтѣ, сношеніе ихъ съ сосѣдними народами, за тѣмъ переводъ Свящ. Писанія за триста лѣтъ до начала проповѣди евангельской, сдѣлавшей свящ. книги евреевъ доступными для ученыхъ язычниковъ всего тогдашняго міра: все это вмѣстѣ настолько могло подготовить язычниковъ къ принятію Евангелія, что первая евангельская проповѣдь, принесенная апостолами по всей вселенной, вездѣ находила людей, ожидавшихъ спасенія и съ радостію принимав-

нихъ христіанское вѣроученіе. Невозможно допустить того, чтобы это постепенное подготовленіе человѣчества къ принятію христіанства не отразилось отчасти и въ ученіяхъ философовъ и законодателей: вотъ откуда и явились у нихъ нѣкоторые проблески истины, сказанные какъ бы мимоходомъ. Можно даже думать, что путемъ сношеній іудеевъ съ другими народами, особенно же при Соломонѣ, когда корабли его вмѣстѣ съ финикійскими совершали такія далекія плаванія, что возвращались назадъ съ огромными богатствами только чрезъ три года и вѣроятно доходили до Индіи, а можетъ быть даже и до Китая, — истина ожиданія Мессіи изъ Іудеи, согласно обѣтованіямъ Божіимъ, распространилась далеко за предѣлами Іудеи еще прежде разсѣянія іудеевъ. По крайней мѣрѣ мы видимъ, что въ Китаѣ уже Конфуцій, признававшій себя ученикомъ древнѣйшихъ законодателей и возстановителемъ ихъ законовъ, часто говорилъ своимъ ученикамъ, что „Святой пребываетъ на западѣ“ (*). Извѣстно такъ же и то, что въ китайскихъ *инахъ*, или свящ. ихъ книгахъ ожидаемый всѣми Избавитель и примиритель изображается великимъ святымъ, который все знаетъ и все видитъ и весь какъ небесный чудень, безпредѣльно мудръ, единъ съ Богомъ и одинъ только можетъ принести Богу достойную жертву, обновить міръ, заградить грѣхи міра, умереть въ болѣзняхъ и поношеніяхъ и отверзетъ небеса, есть человѣкъ божественный и сынъ неба (**). И ученіе это было столь извѣстно, что, какъ говорятъ китайскія лѣтописи, чрезъ 65 лѣтъ по Р. Хр. императоръ китайскій Минъ-ти I, увидѣвши во снѣ исполинскаго вида человѣка, припомнилъ слова Конфуція: „святой пребываетъ на Западѣ“, отправилъ пословъ въ Палестину, чтобы узнать, точно ли явился міру великій посланникъ неба (***), а такъ же и въ Индію, чтобы принести оттуда ученіе тамъ преподававшееся въ ту пору, по всей вѣроятности христіанское, занесенное туда Ап. Томою,

(*) См. кит. ист. Дюгальда ч. 2 стр. 125-

(**) Письм. о конечн. прич. стр. 336.

(***) Кит. ист. Дюгальда 2 ч. стр. 125 и пис. о кон. прич. стр. 374.

но посланные нашли въ одномъ мѣстѣ истуканъ *Θоя*, или Будды, бывшій въ великомъ почитаніи у индусовъ, взяли съ собою бонзъ и принесли въ Китай вмѣсто христіанства буддизмъ, который всѣ китайскіе историки называли проклятымъ, порицая императора за принятіе его(*). Отсюда ясно можно заключить, что хотя у китайцевъ и сохранилось первобытное преданіе о примирителѣ чловѣка съ Богомъ, но болѣе точныя познанія о Его пришествіи на землю они получали именно отъ народа Божія при своихъ сношеніяхъ съ нимъ, и именно изъ среды этого народа ожидали явленія примирителя, откуда Его ожидали и волхвы персидскіе, приходившіе Ему поклониться и принести дары...

—И такъ, вы рѣшительно стоите за христіанство, когда сами же хорошо знаете, что и у другихъ народовъ была въ ученіяхъ часть истины?

—Ужъ конечно такъ. Да иначе и быть не должно. Только одно христіанство есть религія истинная. Не быть увѣреннымъ въ этомъ можетъ развѣ тотъ, кто или незнакомъ хорошо съ христіанскимъ вѣроученіемъ и другими религіями, или хотя и знакомъ, но предубѣжденъ противъ христіанства, какъ противъ религіи, проповѣдующей чистѣйшую нравственность, когда ему хочется вести жизнь безнравственную, — и при томъ еще вѣчную жизнь съ воздаяніемъ по смерти каждому по дѣламъ его, когда ему хотѣлось бы напротивъ по смерти превратиться въ ничтожество, какъ потомуку обезьяны или дарвиновскаго четвероногого звѣря... А я по милости Божіей до такого безумія никогда не доходилъ и, надѣюсь, не дойду...

—Вотъ вамъ, А. П., явное доказательство того, насколько наши русскіе батьки отстали отъ современнаго пониманія вещей! вскричалъ Скавронскій, обращаясь къ Елагинной. Подите послѣ этого, толкуйте съ ними о свѣтлыхъ идеяхъ цивилизацій. Неудивительно, что съ такими батьками во главѣ нашъ русскій народъ отсталъ отъ всѣхъ европейскихъ народовъ въ своемъ развитіи и коснѣетъ въ грубости и невѣжествѣ, предразсудкахъ и сует-

(*) Кит. ист. Дюгальда 2 ч. стр. 125.

вѣрять. Судите сами, чему такіе батъки научать народъ и куда они заведуть его...

— Вы, В. П., совершенно неправы, сказала А. П. очень серьезно: русскому священнику нужно быть твердо въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ и стоять за христіанство, потому что онъ есть православный священникъ, на то и поставленный, чтобы охранять христіанство отъ примѣси къ нему всякихъ неправильныхъ мнѣвій католицизма, лютеранизма, матеріализма, нигилизма и проч.

— Пѣтъ, однимъ словомъ, это ужасно.... Наши русскіе батъки совершенно отсталые люди... Вотъ за границу, такъ совсѣмъ иное дѣло нѣмецкіе пасторы.... Вотъ, я вамъ доложу, люди такъ люди!... Какъ они образованны, какъ современны, предупредительны, услужливы, снисходительны ко мнѣніямъ каждаго!... Ну, просто прелесть... Бывши прошлый годъ за границу, я имѣлъ случай познакомиться со многими пасторами, и что это за милые люди?! Они просто очаровали меня своимъ умомъ и обходительностію. Я съ ними входилъ въ откровенныя бесѣды, и двое изъ нихъ прямо мнѣ признались, что они несомнѣнно убѣждены въ томъ, что *И. Христось былъ человекъ такой же, какъ и мы, а не Сынъ Божій*, и что *всякій воленъ вѣрвать въ Него по своему, потому что это для человека вовсе не важно*(*), лишь бы онъ вѣровалъ, что Христось есть основатель новой религіи, которой держимся и мы. Отъ того тамъ и народъ вообще образованъ и современенъ, что имѣеть такихъ прекрасныхъ руководителей въ лицѣ образованныхъ пасторовъ. Пасторы тамъ стоятъ во главѣ умственнаго движенія и весь народъ ведутъ за собою, а наши батъки стоятъ во главѣ отсталости и невѣжества и весь народъ ведутъ за собою ко мраку.

— В. П.! ради Бога успокойтесь, сказала А. П. очень спокойно. Я не меньше васъ жила на свѣтѣ и знакома

(*) Въ справедливости этихъ словъ я долго сомнѣвался, однако же это оказывается вполне вѣрнымъ: въ іюльской книжкѣ „Душеп. Чтен.“ 1877 г. въ статьѣ „Поѣздка за границу“ рассказывается еще не то: одинъ напр. пасторъ въ Парижѣ не счелъ нужнымъ крестить своихъ дѣтей, а лишь по достиженіи извѣстнаго возраста ввелъ ихъ въ свою кирку, вмѣсто крещенія.

какъ съ состояніемъ образованности у насъ и за границею, такъ и съ религіознымъ настроеніемъ нашихъ русскихъ священниковъ и нѣмецкихъ пасторовъ. Очарованные обворожительнымъ обращеніемъ съ вами нѣмецкихъ пасторовъ, вы совершенно не замѣтили въ нихъ тѣхъ недостатковъ, какихъ не имѣютъ наши священники, и въ особенности ихъ не христіанской настроенности душевной и того, что они считаютъ себя не служителями церкви Христовой и руководителями людей ко спасенію, а простыми гражданскими чиновниками*).

— Да это, замѣтилъ я, и резонно, потому что они въ сущности міряне, а не священники: у нихъ не сохранилось апостольскаго преемства и не можетъ быть законнаго священства...

— Пусть такъ, сказалъ Скавронскій, прерывая меня: а все же они образованнѣйшіе люди... А вѣдь наши батюшки чистѣйшіе невѣжды и суевѣры...

— Вы, В. П., слишкомъ несправедливы сказала А. П., и при томъ неосторожны въ выраженіяхъ... Предъ вами батюшка, смѣю думать, доказавшій вамъ, что онъ не менѣе васъ образованъ, а вы при немъ же всѣхъ нашихъ священниковъ обзываете невѣждами и суевѣрами...

— Чего же вамъ? возразилъ Скавронскій. У меня есть факты на лицо для доказательства того, что я правъ... Я, напр., нынѣ подъ свѣтлый день посылаю къ своему батькѣ управляющаго просить его съ вечера отслужить у меня утреню—повимаете?—чтобы не вставать рано и не ѣхать въ грязь и дождь за три версты. А онъ что же отвѣтилъ управляющему? „Что вашъ баринъ-то нѣмецъ или жидъ? Не знаетъ того, что подъ Свѣтлый день утреди въ домахъ не служатъ, и не хочетъ пріѣхать въ церковь“. Ну, помилуйте, развѣ это не невѣжество? Я мѣстный помѣщикъ, и онъ смѣетъ мнѣ такъ отвѣчать!

(*) Изъ вышеупомянутой статьи „Поѣздка за границу“ видно, что бывшее въ Парижѣ въ 1872 г. собраніе представителей реформатской церкви въ первомъ же своемъ засѣданіи безъ возраженія приняло то положеніе, что *пастырство есть не священныи санъ, а просто должность (le pastorat est une fonction)*, и что по этому какъ только пасторъ перестаетъ исправлять свою должность, онъ не болѣе какъ мірянинъ.

Нѣтъ, однимъ словомъ, это ужасное дѣло! Наши батьки хуже мужиковъ. Они только распространяютъ въ народѣ суевѣріе и предрасудки и проповѣдаютъ какую-то гниль, старину, отсталость во всемъ. Напримѣръ, представьте себѣ, мужикамъ нужно ѣхать въ поле сѣять или пахать, а мой батька тутъ сбиваетъ народъ и устраиваетъ какое-то богомолье на поляхъ, чтобы лучше хлѣбъ родился. Ну, развѣ это не заблужденіе, не распространеніе предрасудковъ въ средѣ крестьянъ, бьющее на ихъ невѣжественную довѣрчивость къ попамъ? Я вотъ собираюсь въ Калугу съ жалобою на своего батьку за это устраиванье богомолій: онъ у меня отбиваетъ этимъ рабочіе дни, и я попрошу архіерея перевести его отъ меня въ другое село или наказатъ за распространеніе въ народѣ суевѣрій..

—А я на мѣстѣ преосвященнаго Григорія, выслушавши вашу жалобу, подвергла бы васъ епетиміи, а священника наградила бы за его усердіе къ прохожденію своихъ пастырскихъ обязанностей, сказала А. П. такимъ тономъ, который видимо очень не понравился Скавронскому.

—Честь имѣю кланяться, сказалъ онъ, вставая съ своего мѣста и цѣлуя руку А. П., но уже не съ тѣмъ раболѣпствомъ, какъ въ первый разъ.

Раскланявшись съ Н. А., Скавронскій мнѣ опять на прощанье и головою не кивнулъ въ отвѣтъ на мой ему поклонъ. Вотъ и образованность!..

Воскресенской ц., въ г. Бѣлевѣ, свящ. Михаилъ Бурцевъ.

БИБЛЮГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Тимоей Александровичъ Верховскій, протоіерей Николаевской единовѣрческой, что на Никольской улицѣ въ Спб. церкви. Записки о его жизни, составленныя имъ самимъ. Ч. 1 съ портретами Государя Императора Николая Павловича, сочинителя и Димитрія Григорьевича Макушинова Спб. 1877 г. стр. 1097.

Трудно, чтобы не сказать, совсѣмъ невозможно, написать безпристрастную автобіографію. Здѣсь встрѣтятся всѣ трудности самонаблюденія, по которымъ человѣкъ

является и лицомъ наблюдающимъ и предметомъ наблюдения. Нужно имѣть для такого самораздвоенія много, слишкомъ много сосредоточенности, чтобы не пропустить чего либо достойнаго вниманія и не увлечься чѣмънибудь не стоящимъ вниманія. Главнѣйшее же препятствіе къ составленію безпристрастной автобіографіи заключается въ самолюбіи человѣка. Говоря о себѣ трудно возвыситься надъ всѣми эгоистическими побужденіями выставить себя въ большемъ освѣщеніи, нежели сколько слѣдовало. И вотъ одинъ автобіографъ считаетъ себя чуть ли не средоточіемъ вселенной, другой старается „засіяť всякой красотой, что даже глазамъ больно“, при чемъ другія лица, съ которыми входилъ въ сношеніе писатель, или не получаютъ должнаго освѣщенія, или совсѣмъ ступшеваются. Когда человѣкъ засматривается на себя, ему уже не до наблюдения надъ другими, не до того, чтобы всякому отдавать надлежащее значеніе. Во свѣтѣ самолюбія, ему кажется, необыкновенно важною одна его жизнь и вся обстановка его жизни; ему кажется, что міръ лишился бы величайшихъ открытій, интереснѣйшихъ свѣдѣній, если бы авторъ не повѣдалъ о нихъ міру, хотя бы на самомъ дѣлѣ ничего не могло быть ошибочнѣе такихъ мнѣній. Для того, чтобы сообщенія автобіографа на самомъ дѣлѣ были для всѣхъ интересны, мало того, чтобы они были объективны, нужно, чтобы они имѣли дѣйствительно общественное, а не субъективное только значеніе, нужно, чтобы не авторъ выдавалъ себя на показъ другимъ, но чтобы другіе въ интересахъ истины выставлялись, какъ они есть, личныя отношенія его не должны маскировать, или ступшевывать отношеній другихъ людей къ его личности. Только при такихъ условіяхъ, хотя скольконибудь, возможно соблюсти историческое безпристрастіе въ автобіографіи.

Авторъ книги, которой заглавіе мы выписали выше, повидимому, не задавался ни мыслями о трудностяхъ самонаблюденія, ни вопросами объ условіяхъ историческаго безпристрастія. Слыша, что авторъ въ молодости совращенъ былъ въ расколъ, потомъ снова возвратился въ православіе и весь посвятилъ себя дѣятельности—обращенію старообрядцевъ къ единовѣрью, читатель вправѣ надѣяться, что авторъ сначала опишетъ свою семейную жизнь,

затѣмъ покажетъ, что общественная жизнь не затѣвала его личной жизни, далѣе введетъ читателя въ новый міръ жизни отщепенцевъ, съ которыми онъ такъ много имѣлъ сношеній, много расскажетъ о живыхъ отношеніяхъ ихъ къ православію и правительству. Къ сожалѣнію, авторъ не оправдалъ такихъ надеждъ читателя. Рассказывая о себѣ напр. при какихъ обстоятельствахъ онъ „кушалъ чай съ бѣлымъ хлѣбомъ“, какъ что-то интересное для другихъ, онъ почти не говоритъ ничего о своей семейной жизни, какъ будто бы она не существовала для него. О своей женѣ онъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ только два раза, заставляя ее говорить и дѣйствовать только въ особенныхъ, такъ сказать, чрезвычайныхъ случаяхъ своей жизни. Разъ, это было въ 1819 г., видѣлъ онъ таинственный сонъ, въ которомъ явилась ему Богородица. „Отъ избытка чувства, доселѣ памятнаго, говоритъ онъ, я проснулся и нашелъ на себѣ все бѣлье и постель подо мною совершенно мокрыми, словно облиты были водою. Жена моя, замѣтивъ движеніе мое, спросила меня: что съ вами, Тимоѣей Александровичъ, здоровы ли вы? Что съ вами сдѣлалось? Вы до того потѣли, что не только бѣлье на васъ, а но и вся постель промокла. Я не смѣла васъ беспокоить, а боясь, чтобы не помѣшать вамъ (вычемъ?) и дожидалась съ нетерпѣніемъ, пока проснетесь и пошевелитесь. Что съ вами? Скажите мнѣ, Бога ради. Въѣсто отвѣта на это(?) я сказала ей, чтобы она дала свѣжее бѣлье, да и постель нужно перемѣнить, а что я, слава Богу, здоровъ и больше ничего не желала и не находила нужнымъ ей рассказывать“ (стр. 79). Въ другой разъ, когда авторъ пробудился отъ столь же чуднаго и необыкновеннаго сна и когда почувствовалъ себя въ какомъ то необъяснимомъ положеніи, опять подошла къ нему жена, опять съ осторожностію спросила: „что это съ вами? не нужно ли чего вамъ“, и опять услышала то же: „нужно потереть потъ и перемѣнить (автору) бѣлье, потому что оно все мокрое“. Все это было сдѣлано и я, говоритъ авторъ, слава Богу, успокоился“ (стр. 145). За исключеніемъ этихъ подробностей, имѣвшихъ чисто субъективное значеніе, авторъ Мемуаровъ нигдѣ больше не говоритъ о своей семейной жизни.

Описывая свою общественную дѣятельность авторъ не рисуется, чтобы привлечь къ себѣ общественное вниманіе, не спекулируетъ тяжестью принятыхъ имъ на себя обязанностей, но личная его дѣятельность едва ли не затмѣваетъ его общественной жизни. Въ качествѣ миссіонера онъ дѣйствовалъ въ извѣстнѣйшихъ по своему расколу посадахъ Лужкахъ, Клиндахъ, Добрянкѣ и пр., съ разными раскольниками входилъ въ разнообразныя отношенія, въ своихъ разъѣздахъ, вступая въ бесѣды съ ними, конечно, видѣлъ удачи и неудачи своей проповѣди. Было что понаблюдать и пересказать. Сколько здѣсь можно было бы предложить читателю живыхъ наблюдений изъ давно минувшей и настоящей жизни! Какое для автора открывалось интересное и занимательное поприще дѣятельности! Взамѣнъ того о единовѣрїи авторъ ограничился немногими статистическими и историческими данными; его больше всего занимали не отношенія къ нему другихъ лицъ, а его личныя отношенія къ нимъ, онъ какъ бы засматривается на себя, съ любовію останавливается на своихъ назидательныхъ рѣчахъ, которыми онъ склонялъ раскольниковъ къ единовѣрїю, хотя не видно что-то, чтобы онъ считалъ единовѣрїе за одно съ православіемъ; вниманіе къ его рѣчамъ, или не вниманіе попеременно волновали его, возбуждая въ немъ то радостныя, то печальныя чувства, хотя не замѣтно, чтобы онъ болѣе всего волновался изъ за истины церкви вселенской. Личная жизнь, личная дѣятельность автора затмѣваетъ его общественную жизнь и дѣятельность. Но въ дѣятельности автора напрасно стали бы мы искать какихъ либо недостатковъ, свойственныхъ человѣку; если онъ говоритъ о неудачахъ своей проповѣди, то рядомъ съ ними не выставляетъ ни своей неопытности въ дѣлѣ проповѣди, ни неумѣнія обращаться съ раскольниками, ни характеристику прежняго строгаго отношенія къ нимъ; при безуспѣшности проповѣди трудно повѣрить, чтобы въ его личности не было другихъ свойствъ, кромѣ благодушія, кротости и снисхожденія къ заблудшимъ. Поэтому кажется, что авторъ или всего о себѣ не сказалъ и слѣд. былъ не искрененъ, или сказалъ только о хорошихъ своихъ чертахъ, слѣд. былъ одностороненъ.

Въ мемуарахъ автора, столько подробныхъ, есть нѣкоторыя черты, относящіяся къ разряду мѣръ противъ раскола, но мѣръ этихъ сравнительно немного и всѣ они далеко не новы въ виду давно извѣстныхъ и опубликованныхъ постановленій Св. Синода по поводу раскола. Вообще свѣдѣнія, какія только могли быть самыми интересными о положеніи раскольниковъ, о взаимномъ ихъ отношеніи, объ отношеніи ихъ къ единовѣрцамъ, или православнымъ, являются слишкомъ скудными и недостаточными.

Впрочемъ, можетъ быть, авторъ считалъ все это незанимательнымъ для другихъ и для себя. Взамѣнъ того онъ распространился о томъ, что занимало его, привлекая всѣ его симпатіи и сосредоточивая на себя всю его дѣятельность. Въ своей автобіографіи авторъ даетъ много мѣста описанію своихъ отношеній къ Макушинову. Въ самомъ дѣлѣ, для характеристики дѣятельности автора, отношенія эти имѣютъ важнѣйшее значеніе, проливая свѣтъ на то, чего авторъ, можетъ быть, и недумалъ освѣщать, разоблачая въ его характерѣ то, что тщательно скрывалось отъ другихъ. Давно кто-то сказалъ: „ты мнѣ скажи, съ кѣмъ ты знакомъ, а я тебѣ скажу, кто ты таковъ“. Дружба автора съ Макушиновымъ (съ 1829—1838), продолжавшаяся до смерти послѣдняго, наводитъ читателя его мемуаровъ на многія размышленія. Авторъ, безъ сомнѣнія, хотѣлъ изобразить вліяніе своей личности на этого почтеннаго и богатаго старика, но дружба безъ взаимности не бываетъ; должно быть и старикъ въ свою очередь привлекалъ его не однимъ благочестіемъ, но и качествами, несвойственными бѣдному и озаряющими друга. Сколько бы кто ни прикрывалъ и чѣмъ бы ни маскировалъ своихъ отношеній къ замѣчательному ростовщику своего времени, но такая дружба едва ли станетъ выше всякаго подозрѣнія и нареканія въ чистотѣ ея побужденій. А что ростовщическая дѣятельность Макушинова была обширна, объ этомъ свидѣтельствуетъ какъ то, что онъ изъ своихъ доходовъ на одну милостыню израсходовалъ въ годъ до 13 тыс. р., такъ и то, что по смерти его, денегъ, векселей и имущества оказалось на лицо на 957270 р. И что же? Макушиновъ въ своей жизни ростовщическую дѣя-

тельность называлъ „помощію ближнимъ въ дѣлахъ купеческихъ“. Такъ же называетъ ее и авторъ мемуаровъ. Такимъ образомъ вліяніе перваго на послѣдняго очевидно, но оно идетъ далѣе, нежели подозрѣваетъ авторъ. Въ своей помощи купцамъ Макушиновъ думалъ оказывать имъ не одно человѣколюбіе, но какъ бы христіанскую помощь, при чемъ извращалъ мѣста слова Божія, всю вину слагалъ на пріемлющихъ и авторъ не то потакая ему, не то раздѣляя его мысли, во всякомъ случаѣ оставля ихъ безъ опроверженія, говоритъ отъ лица его: „вотъ, батюшка, самъ ты видишь, что лучше давать, чѣмъ брать, на дающихъ меньше обязанностей, чѣмъ на пріемлющихъ. Лучше дати, неже пріимати“. Такъ авторъ говоритъ о томъ лицѣ, „кто деньги отдавалъ въ дисконтъ и скупалъ векселя съ большою осторожностію и знаніемъ своего дѣла, кто почти не отдавалъ денегъ на одно лицо, а всегда съ поручителемъ“ и кому однакожь, зная слово Божіе, что „губить себе мздоимецъ“ не хотѣлось прослыть ростовщикомъ, а хотѣлось свалить свой грѣхъ на пріемлющихъ взаемъ деньги“. Здѣсь авторъ, кажется, невидитъ ничего особенно предосудительнаго въ своемъ другѣ, даже рисуетъ его, какъ любвеобильнаго христіанина, не подозрѣвая въ его словахъ нималѣйшаго фарисейства. Макушиновъ напр. говоритъ автору: „вѣдь вы, батюшка, знаете, что я прикащикъ только, а не хозяинъ, и дѣлаю то, что хозяину угодно; и все что имѣю и что раздаю, это не мое, а Божіе. Богъ хозяинъ, а я только приставникъ его“... „Слава Богу, я благодарю Отца небеснаго, что за деньги ниодного въ тюрьму не сажалъ, а очень и очень многихъ отъ тюрьмы избавлялъ“... „Трудно, батюшка, давать да и не легко и брать или свое то получать! Съ такими нечего дѣлать, взыщешь чрезъ начальство всѣ деньги и съ условленными барышами, да за негоже, глупаго, и милостыню подашь, а онъ все бы пропилъ и промоталъ“. Во всемъ этомъ авторъ не видитъ, кажется, ничего противозаконнаго, ничего фарисейскаго; и однако самъ Макушиновъ все отъ чего то не покоенъ. Много ли ему въ самомъ дѣлѣ нужно? Его желанія ограниченны, ему не много нужно, „неболѣе одного гривенника въ день, а между тѣмъ это не воздержаніе, а то, что называется скупостію, грѣхомъ.

Опасно больной, онъ хочетъ освободиться отъ расходовъ на лѣкарства и изъ за нихъ ссорится съ докторомъ, заботится и о спасеніи души и торгуется съ священникомъ, за ежедневное богослуженіе вмѣсто семи даетъ пять рублей, приглашаетъ священника пѣть молебны, даетъ влады на монастыри, на неусыпное чтеніе псалтыря за его душу, наконецъ постригается въ монашество, а все же не оставляетъ и своей ростовщической дѣятельности. Сколько противорѣчій въ одномъ этомъ человѣкѣ! Что же не обличить его въ такихъ несовмѣстныхъ желаніяхъ, что не наставить его на путь истинный другъ его, отецъ его духовный? Его сыну какой то злоумышленникъ угрожаетъ лишеніемъ жизни, затѣмъ убиваетъ его жену и грабитъ болѣе, чѣмъ на 20 т. р. Макушиновъ сталъ недовѣрчивъ и жестоко заболѣлъ и пересталъ выходить изъ дома. Авторъ мемуаровъ не оставлялъ своего духовнаго сына и побуждалъ его поскорѣе написать духовное завѣщаніе. Подробности, послѣдовавшія за составленіемъ завѣщанія, говорятъ сами за себя. Въ нихъ видна и двойственность жизни старика и попечительность о немъ духовнаго его отца. Заботится о себѣ старикъ, да и у отца его духовнаго бездна хлопотъ. То и другое видно изъ слѣдующихъ маленькихъ повѣстей автора: „Макушинъ проситъ совершить надъ нимъ елеосвященіе“, мое напоминаніе Дмитревнѣ о томъ, чтобы никого не допускать до конторки Макушинова“, Елеосвященіе надъ Макушиновымъ, о діаконѣ производитъ такой безпорядокъ во время елеосвященія, что является полиція для разслѣдованія, духовенство нашей церкви договаривается съ Макушиновымъ на счетъ вознагражденія за труды, какіе оно будетъ имѣть при погребеніи и поминаненіи его, „кромѣ 10 тысячъ, пожертвованныхъ въ церковь на вѣчное поминаненіе“. Отцы, говоритъ Макушиновъ, Бога ради не безпокойтесь, я у васъ въ долгу не останусь“. Здѣсь отецъ его духовный какъ будто остается въ тѣни, рассказывая кое что непохвальное о другихъ. Но вотъ въ отсутствіе его пріѣхалъ къ Макушинову купецъ Бунинъ и увезъ всѣ наличные капиталы его. Духовный отецъ Макушинова немедленно пускается за Бунинымъ въ погоню и при содѣйствіи полиціи возвращаетъ увезенные было капиталы. На сцену

является приставъ, которому хочется прочесть завѣщаніе, но который, прочитавши его, сказалъ: „все на церкви, да на монастыри, а на полицію ничего—странно“! Затѣмъ онъ принимаетъ участіе въ счетѣ капитала и за то ожидаетъ вознагражденія. „Слѣдовало бы угостить его чайкомъ, да у насъ некому, докладываетъ Макушинову отецъ его духовный, дайте ему на чай“, прибавилъ онъ, „Спасибо, говоритъ больной, спасибо, отецъ мой, что ты меня учишь“. „Дайте ему два цѣлковыхъ“. „Не поскупись, учааетъ его отецъ духовный, дай сотенку г. приставу“... Взглянувъ на него, больной сказалъ рѣзко: „вертушка ты“, а самъ отвернулся къ сторонѣ и скоро затѣмъ скончался. По смерти Макушинова, о. Верховскій желалъ отправить деньги для храненія въ церковное казнохранилище, а приставъ настаивалъ на управѣ благочинія и за согласіе съ о. Верховскимъ отсчиталъ себѣ 2 т. р. Въ завѣщаніи оказался не забытымъ и о. Верховскій. Покойный не остался у него въ долгу и завѣщалъ ему 10 т. р.; хотя изъ отчета, помещеннаго въ мемуарахъ не видно, при какихъ условіяхъ они пожертвованы ему, но читатель и не имѣлъ нужды и права требовать отъ него какого либо отчета. Трудно только помирить обязанности духовнаго отца съ ролью душеприкащика безъ того, чтобы не навлечь тѣни подозрѣнія на чистоту его отношеній къ духовному сыну. Не думая говорить о себѣ съ невыгодной стороны, авторъ мемуаровъ тѣмъ не менѣе много сказалъ о себѣ, чего бы не слѣдовало говорить, сказалъ и о другихъ, о чемъ слѣдовало бы помолчать.

Вообще записки о. Верховскаго не оправдываютъ ожиданій читателя, который желалъ бы приобрѣсти въ нихъ какія либо новыя свѣдѣнія, или неизвѣстные доселѣ взгляды на единовѣріе, не имѣютъ и того общественнаго значенія, какого ожидалъ отъ нихъ самъ авторъ, когда издавалъ ихъ въ свѣтъ, кромѣ характеристики г. Макушинова, довольно типичной для современной беллетристики. Все же остальное содержаніе записокъ имѣетъ значеніе не столько для общества, сколько для семейства самаго автора и, можетъ быть, для его прихожанъ единовѣрцевъ.

Прот. Г. Пановъ.

ВЫЗОВЪ ПАСТЫРЯ ЦЕРКВИ НА ПРОСВѢТИ- ТЕЛЬНУЮ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

Подъ этимъ заглавіемъ въ Подол. Епар. Вѣд. напеча-тана слѣдующая, наводящая на очень серьезныя размышленія, замѣтка.

„Въ Кіевлянинѣ мы прочли слѣдующее извѣстіе объ одномъ интересномъ фактѣ въ религіозномъ отношеніи(*). Въ селѣ Святинивкѣ, Кременчугскаго уѣзда, Полтавской губерніи, одинъ богатый мужикъ, до послѣдняго времени, ничѣмъ не выдѣлялся изъ общей среды, жилъ какъ и всѣ другіе; но вотъ случилось ему лѣтомъ побывать въ Кіевѣ, и онъ возвратился другимъ человѣкомъ. Шапка его украсилась крестомъ, какъ внѣшнимъ знакомъ его внутренняго настроенія; принесъ онъ также съ собою много священныхъ книгъ преимущественно акаѳистовъ. Слѣдуя евангельскимъ словамъ онъ началъ свой подвигъ благотворительностію и раздалъ много изъ своего имущества бѣднымъ. Далѣе передаютъ, что онъ выкопалъ для себя особую землянку. Въ домѣ же своемъ, увѣшанномъ иконами, онъ читаетъ односельцамъ разныя божественныя книги и толкуетъ ихъ; чтеніе прерывается молитвою и пѣніемъ. Какъ строгій подвижникъ, онъ преслѣдуетъ куреніе табаку и пьянство; послѣдователи его ходятъ босые, строго соблюдаютъ постъ: въ среду и пятницу совсѣмъ не ѣдятъ, въ остальное время по одному разу въ день. Что касается церкви, то они ревностные сыны ея: не только постоянно посѣщаютъ храмъ, но желаютъ и требуютъ, чтобы всѣ богослуженія совершались, какъ по книгамъ положено, въ должное время, безъ всякихъ сокращеній и пропусковъ. Поэтому они строго слѣдятъ за всѣмъ, что совершается въ церкви, и своимъ вмѣшательствомъ даже нарушаютъ тишину въ церкви. Являясь въ алтарь, требуютъ отъ священника сказать имъ проповѣдь; настаиваютъ, чтобы акаѳисты непременно читались предъ литургіей; уходящихъ не во время изъ церкви останавливаютъ. Во время совер-

(*) Кіевл. 1878 г. № 3.

шенія богослуженія упомянутый крестьянинъ повторяетъ домашнее чтеніе и толкованіе. Послѣ вечерняго богослуженія крестьяне, подъ его руководствомъ, поютъ: *Подъ твою милость.*

Приведенный нами фактъ указываетъ, что у нашего малоросса пробуждается религіозное самосознаніе. Хотя мы привели одинъ фактъ, но полагаемъ, что на основаніи его можно сдѣлать такое обобщеніе. Хотя каждый человѣкъ развивается самостоятельно, но въ тоже время — въ обществѣ, котораго стремленія, желанія и надежды носить въ своей душѣ. Часто случается такъ, что цѣлое общество бываетъ проникнуто новыми стремленіями, но онѣ пока бываютъ на степени темныхъ, неясныхъ инстинктивныхъ стремленій, и только въ одной какой нибудь личности этого общества начинаютъ онѣ проявляться и достигаютъ до степени опредѣленныхъ желаній. Такая личность является руководителемъ остальныхъ своихъ членовъ, которые и слѣдуютъ за своимъ руководителемъ, потому что сознаютъ, что заявленные имъ стремленія тождественны съ ихъ стремленіями. На этомъ, вѣроятно, основывается тайна вліянія одной личности на массу: что выражаетъ одна личность общества, это есть продуктъ цѣлаго общества. Всмотритесь въ приведенный нами фактъ. Одинъ крестьянинъ заявилъ особенное религіозное настроеніе, и вдругъ много односельчанъ увлекаются его настроеніемъ и пристають къ нему. Это значитъ, что онъ угадалъ тайныя движенія ихъ души.

Хорошо, конечно, если пробуждается религіозное стремленіе; это шагъ къ нравственному усовершенствованію человѣка. Но должно помнить, что всякое пробужденное стремленіе требуетъ соотвѣтственнаго удовлетворенія; въ противномъ случаѣ, не имѣя правильнаго въ этомъ руководства и энергично отыскивая его, оно можетъ избрать ложный способъ къ своему удовлетворенію. Подобныя обстоятельства должны возбуждать пастырей церкви стоять на стражѣ, слѣдить за тайными движеніями сердца своихъ пасомыхъ и своевременно являться на помощь.

Къ чему же стремится пробуждающееся религіозное чувство малоросса? Отвѣтъ на это вы имѣете въ приведенномъ нами примѣрѣ. Идетъ грамотный крестьянинъ въ

Кіевъ, покупаетъ священныя книги, читаетъ своимъ односельцамъ и толкуетъ; въ церкви врывается въ алтарь и требуетъ проповѣди отъ священника. Понятно чего онъ желаетъ. Онъ желаетъ сознательно понимать исповѣдываемую имъ вѣру. Онъ самъ читаетъ священныя книги, толкуетъ ихъ, но многого не понимаетъ, потому онъ врывается въ алтарь и безцеремонно требуетъ отъ священника проповѣди. Въ порывѣ своего религіознаго стремленія онъ нарушаетъ благоприличіе въ храмѣ. Но это еще меньшее зло, а худшее будетъ то, если онъ самъ превратно будетъ толковать свою вѣру, или же обратится къ прозявающимся по мѣстамъ сектантскимъ ученіямъ, занесеннымъ къ намъ съ запада. Но, очевидно, ни того ни другаго не было бы, если бы онъ каждый праздникъ и каждый воскресный день слушалъ поученіе или воскресную бесѣду, объясняющую ему его вѣру и правила христіанской нравственности.

Далѣе крестьянинъ обращаетъ вниманіе на церковное богослуженіе; но онъ не удовлетворяется имъ, потому что оно иногда небрежно исполняется. Доселѣ у насъ главное просвѣтительное вліяніе было подлинное чтеніе Слова Божія въ церкви и священное пѣніе. Но оно присутствующаго въ церкви часто не можетъ удовлетворять по слѣдующимъ причинамъ: чтеніе нашими причетниками бываетъ до того невнятно, что нельзя слышать словъ; произношеніе не имѣетъ никакой выразительности: чтець сначала до конца держитъ свой голосъ на одной нотѣ; въ движеніи его голоса нѣтъ тѣхъ обычныхъ человѣческой рѣчи повышеній и пониженій голоса, его напряженности и смягченія, соотвѣтствующихъ ходу мыслей и преобладающему чувству. Нечего говорить, что такое чтеніе всегда производитъ непріятное впечатлѣніе на слушателей, да и мало даетъ имъ назиданія. Тѣми же недостатками обладаетъ и церковное пѣніе въ нашихъ сельскихъ церквяхъ: и здѣсь, при неособенной даровитости пѣвца, не разберешь даже и самыхъ словъ церковной пѣсни. Спрашивается: какое назиданіе при такой постановкѣ дѣла можетъ вынести крестьянинъ изъ церковнаго богослуженія?... Въ приведенномъ нами случаѣ мы замѣчаемъ протестъ и противъ этого недостатка въ нашемъ богослуженіи. Оригинально выступившій на свою проповѣдь крестьянинъ составляетъ свой кружокъ гдѣ нибудь въ углу церк-

ви, и, во время совершенія богослуженія, повторяетъ домашнее чтеніе и толкованіе. Аккуратность посѣщенія имъ и его послѣдователями церковной службы доказываетъ, что онъ не чуждается православнаго богослуженія, но невнятное чтеніе и пѣніе причетникомъ его не удовлетворяетъ. Желая сознательно и съ пользою провести часы богослуженія, онъ поступаетъ своеобразно. Конечно, нельзя одобрить такой странной выходки упомянутаго крестьянина, но она вызывается допущенною небрежностію въ исполненіи богослуженія. Если же другіе молящіеся не выражаютъ явнаго неудовольствія на этотъ недостатокъ, то все же онъ производитъ на нихъ непріятное впечатлѣніе и самое богослуженіе не производитъ назиданія и не возбуждаетъ молитвеннаго духа; а даже напротивъ присутствіе въ храмѣ при плохомъ чтеніи и пѣніи производитъ тяжелое впечатлѣніе. Слѣдуетъ обратить вниманіе и на эту сторону нашей религіозности. Нужно озаботиться, чтобы церковное чтеніе и пѣніе производило назидательное впечатлѣніе на молящихся. А для этого необходимо потребовать отъ церковныхъ чтецовъ чтенія выразительнаго, чтобы можно было слышать и разумѣть читаемое. Церковное сельское пѣніе можетъ улучшиться чрезъ образованіе хоровъ изъ крестьянскихъ школьничковъ. Всего этого, вы скажете, трудно достигнуть. А кто говоритъ, что легко? Но должно помнить, что безъ труда даже ничего нельзя достигнуть. Кто задается какою нибудь цѣлію, тотъ не долженъ страшиться труда.

Наконецъ мы видимъ, что пробудившееся религіозное сознаніе не ограничивается однимъ только умомъ и сердцемъ крестьянина, а простирается на его дѣятельную способность и ищетъ своего обнаруженія. Упоминаемый нами крестьянинъ читаетъ священныя книги, добивается понять ихъ смыслъ чрезъ толкованіе, составляетъ у себя молитвенное собраніе, похожее на богослуженіе, и въ то же время рѣзко отмѣняетъ свой образъ жизни, онъ становится аскетомъ и къ этому возбуждаетъ своихъ послѣдователей односельчанъ. Чувствуетъ онъ, что полуживотная жизнь, подъ вліяніемъ грубаго порока пьянства, не гармонируетъ съ тѣмъ, что онъ вычиталъ изъ священныя книгъ и дѣлаетъ рѣзкій переходъ—совершенно отрицаетъ употребленіе вина. Желая загладить грѣхи чув-

ственности прошедшей жизни, онъ задается аскетическою жизнію, неподходящею къ семейной и трудовой жизни крестьянина. Почему же это такъ случилось? Потому что онъ не уразумѣлъ идеала христіанскаго, который различно отражается въ различныхъ сторонахъ человѣческой жизни. Онъ не зналъ, въ какомъ видѣ должны выразиться требованія христіанскія въ его семейной трудовой жизни, а изъ читаемыхъ книгъ узнаеть, что люди благоугождали Богу, совершенно отрѣшившись отъ міра, избравши для себя жилище въ пустынь, вдали отъ людей, и, не находя для себя такого мѣста на поверхности земли, онъ ищетъ для себя уединенія въ ея глубинѣ и тамъ устрояетъ свою келлію. Онъ избралъ отшельническую жизнь, не совмѣстную съ его семейною жизнію, потому что не зналъ, что отшельническая жизнь есть только одинъ изъ путей ко спасенію для людей, несвязавшихъ себя условіями жизни семейной, но что человѣкъ можетъ благоугождать Богу, живя въ мірѣ, если только будетъ по христіански вести свою жизнь и добросовѣстно исполнять обязанности, возлагаемыя на него обществомъ, и потому то онъ построилъ свой идеалъ нравственной жизни, который стремился осуществить, не смотря на то, что шелъ въ разрѣзъ съ бытомъ семейной жизни.— Не вызываютъ ли подобныя явленія пастырей церкви на проповѣдь, объясняющую простому народу правильный по христіански образъ жизни, не измѣняя условій своей семейной и общественной жизни?!

Мы сказали, что пробуждающееся самосознаніе народа, вслѣдствіе распространія между нимъ грамотности, обнаруживается религіозными проявленіями. Это даетъ урокъ пастырямъ церкви, что вмѣстѣ съ общимъ развитіемъ народа при посредствѣ грамотности должно итти и развитіе религіозное. Подобное вышеозначенное нами проявленіе религіозной жизни въ крестьянинѣ полтавской губерніи есть знаменіе времени, показывающее, что должно быть усилено проsvѣтительное вліяніе христіанской проповѣди. Нужно итти на встрѣчу пробудившемуся религіозному стремленію и дать ему правильное удовлетвореніе, если не хотимъ видѣть печальныхъ послѣдствій, въ видѣ проявленія какого нибудь сектантства, а потомъ вступать въ борьбу съ нимъ“.

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Тула. Февраля 2. — На праздникъ Срѣтенія Господня Его Высокопреосвященство служилъ литургію въ Срѣтенской церкви. На литургіи проповѣдь произнесъ мѣст. священникъ Н. Г. Троицкій.

— 5. — Его Высокопреосвященство служилъ литургію въ Богоявленскомъ соборѣ, а по окончаніи оной молебень по случаю празднованія рожденія Ихъ Императорскихъ Высочествъ благовѣрнаго Государя велик. Князя Николая Константиновича (вм. 3 ч.) и благовѣр. Государыни велик. Княгини Вѣры Константиновны (вм. 4 ч.). На литургіи проповѣдь произнесъ кладбищенской Всесвятской ц. священникъ В. И. Покровскій.

— 12. — Его Высокопреосвященство служилъ литургію въ домово́й Крестовой церкви, а по окончаніи оной молебень Алексію митрополиту всея Россіи чудотворцу.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Вышелъ въ свѣтъ Адресъ-Календарь духовнаго вѣдомства.

Центральныя учрежденія. — Главное духовное управленіе. — Придворное и военное духовенство. — Цензурные комитеты. — Ставропигіальные монастыри. — Епархіальное управленіе. — Консисторіи. — Попечительства. — Мѣстные комитеты. — Братства. — Миссіи. — Благочинные. — Духовно-учебныя заведенія. — Академіи, семинаріи, женскія и мужскія училища. — Редакціи духовныхъ журналовъ и епархіальныхъ вѣдомостей.

Первый полный сборникъ справочныхъ именныхъ указаний всѣхъ должностныхъ лицъ духовной администраціи. Изданіе Редакціи „Церковно-Общественнаго Вѣстника“.

Цѣна одинъ рубль съ пересылкою.

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, въ редакцію газеты „Ц.-О. В.“, Николаевская улица, домъ 29, квар. 12.

Редакторъ протоіерей А. Иванъ.

Дозволено цензурою 13 Февраля 1878 года.

Типографія Н. И. Соколова, въ Тулѣ.